

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

Научная статья
УДК 343.83:808

РЕЧЕВОЙ ОБРАЗ СОТРУДНИКА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СЛУЖБЫ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ОБСЦЕННОЙ ЛЕКСИКЕ

Тамара Николаевна Демко¹

¹ Академия ФСИН России, Рязань, Россия, luscha1882@mail.ru

Аннотация. Данная публикация вызвана озабоченностью по поводу распространения нецензурной брани в молодежной среде, особенно обучающихся в учебных заведениях. Статья освещает проблему речевого образа специалиста, в частности сотрудника уголовно-исполнительной системы, как инструмента взаимодействия сторон в процессе исполнения его профессиональных функций. Речевой образ рассматривается как способ осуществления задач в социальных профессиях в плане воздействия на человека. Доказано, что вся историческая линия борьбы с матом, подавляющим человеческое достоинство, восходит к идеалу человека, одухотворенного высшими целями и не допускающего по этой причине осквернения себя и окружающей среды.

Ключевые слова: обсценная лексика, речевой образ, профессиональная роль, идеал, духовность, честь, достоинство

Для цитирования

Демко Т. Н. Речевой образ сотрудника пенитенциарной службы в противостоянии обсценной лексике // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 130–143.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Original article

THE SPEECH IMAGE OF A PRISON SERVICE EMPLOYEE IN OPPOSITION TO OBSCENE LANGUAGE

Tamara Nikolaevna Demko¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, luscha1882@mail.ru

Abstract. This publication is caused by concern about the spread of obscenities among young people, especially students in educational institutions. The article highlights the problem of the speech image of a specialist, in particular an employee of the penal system, as a tool for interaction between the parties in the process of performing his professional functions. The speech image is considered as a way of performing tasks in social professions in terms of influencing a person. It has been proved that the entire historical line of struggle against obscenity, which suppresses human dignity, goes back to the ideal of a person who is inspired by higher goals and does not allow himself and the environment to be desecrated for this reason.

Keywords: obscene vocabulary, speech image, professional role, ideal, spirituality, honor, dignity

For citation

Demko, T. N. 2026, 'The speech image of a prison service employee in opposition to obscene language', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 130–143.

Я слушаю не речь, а человека.
Аристотель

Среди пословиц есть такая: «хочешь узнать человека, заговори с ним». Человек выявляет себя в содержании и смысле речи, ее форме, грамотности, стилистике, выборе лексических средств. Какими словами, цитатами, примерами мы оперируем, с какими интонациями, в какой манере – все показательно. Мы заявляем о себе не только смыслом высказываний, но и формой их преподнесения. Арсенал речевых средств безграничен, выбирая, с чем и в какой форме обратиться к нашим слушателям, открываем, как мы оснащены или, скажем, вооружены средствами речевого взаимодействия и в определенной степени что мы есть изнутри. Проявить, то есть явить себя в сказанном, – вполне закономерный эффект речи. Тот, кто говорит красиво или резко, как «рубит с плеча», запальчиво или вкрадчивым голосом, кто говорит двусмысленно, явно не договаривая чего-то, и так далее и тому подобное, тот формирует представление о себе как о человеке.

Речевой образ – это представление о человеке в сознании слушающих с точки зрения его речевых характеристик. Человек, воплощая в своей речи то, что присуще его внутреннему облику, пользуясь своими культурными, интеллектуальными, морально-нрав-

ственными запасами, транслирует это адресату и даже тогда, когда говорящий хочет предстать не в своем истинном образе, а маскируясь под кого-либо другого или желая произвести особое впечатление, он прибегает к соответствующим речевым средствам. Так рекламируют себя люди, заинтересованные в поддержке избирателей, покупателей, подчиненных или начальников, так поступают мошенники, выдавая себя за вашего благодетеля. В отдельных ситуациях речевое поведение может быть мотивировано преднамеренной и целенаправленной установкой создать сильное впечатление. В общем, в жизни много таких ситуаций, когда речевое поведение используется в целях предстать перед реципиентом в желаемом образе. Образ говорящего складывается в сознании последнего и сохраняется в его памяти. То, что происходит на сцене и в зрительном зале театра, когда актер выступает в роли, есть ярчайший пример тому, как речевыми способами формируется образ сценического персонажа в воображении зрителя.

Рассуждая о речевом образе, в первую очередь нужно учесть, что это понятие неотрывно от слушателя, потому что образ возникает, формируется и существует в сознании тех, кто слышит и воспринимает говорящего. Такова природа образа вообще. Сильный оратор, мямля, говорливый, суровый – все такое в отношении говорящего рождается от впечатления, которое он производит своей речью и оставляет в памяти окружающих. Индивидуальные особенности речи становятся своеобразным маркером личности в глазах других. Таким образом, в процессе восприятия речи и внешнего наблюдения в сознании слушающего складывается, запечатлевается объемное представление о говорящем.

Вместе с тем намеренность овладеть вниманием, вызвать интерес, произвести впечатление и настроенность на то, чтобы быть понятым, заложена в произносимую речь адресанта (так называют отправителя в отличие от адресата – получателя). Представлением о себе можно осознанно управлять, примером чему является имиджмейкинг. Человек способен сыграть разные роли, его психология и воображение позволяют ему войти в образ и представить себя публике, как задумано. Бывает, когда человек выходит за рамки привычного образа и ломает то впечатление, которое сложилось о нем прежде. Тогда говорят: «Я от него этого совсем не ожидал», «Он удивил нас», «Он предстал перед нами в новом образе». Все это нормально в русле диалектики человеческого бытия. Мы можем быть разными и являемся таковыми в разных условиях общения. Преподаватель, который читает лекцию, стоя за трибуной, выходит из этой роли у себя на кухне, в домашнем кругу или в магазине, встретившись с бывшим коллегой. Арсенал средств общения у человека велик, чтобы предстать в соответствующей роли. Существующая с давних пор, чуть ли не с первобытных времен, практика сценического перевоплощения свидетельствует о том, что человек обладает способностью (и потребностью) быть разным и может пользоваться ею преднамеренно, рассчитывая на задуманную реакцию.

В сфере так называемых социальных профессий, когда успех всего дела зависит от полноценного контакта людей, можно говорить о профессиональной роли и о соответствующем ей образе, направленном на другого человека, участвующего в коммуникативном процессе (врач – пациент, учитель – ученик, сотрудник УИС – осужденный). Умение выстраивать соответствующий образ – один из профессиональных навыков в подобных видах деятельности. Для установления нужных, соответствующих ситуации контактов и отношений человек может целенаправленно корректировать манеру своего речевого поведения и добиваться задуманных результатов. Можно говорить об активности производимого впечатления, о силе его воздействия как о факторе, свидетельствующем о профессионализме.

Таким образом, действующей силой становится не только содержание произносимой информации, но и тот самый речевой образ. При этом следует учесть, что желаемая реакция, успех коммуникации зависят и от того, насколько субъект речи, адресант, понимает и учитывает, с кем он имеет дело, какова его аудитория, кто его адресат. Профессионал в полном смысле этого слова легко перестраивает свое речевое поведение, когда обнаруживается, что не всякая манера вести себя подходит к конкретной коммуникации. Данная возможность говорит о функциональной подвижности образа – он не является застывшей маской.

Речевой образ рождается в условиях восприятия одним человеком другого, и он не просто отпечатывается в сознании реципиента – образ воздействует на его эмоциональную сферу, воображение, ассоциативные реакции. Нередко этот эффект характеризуется как впечатляющий, сильно действующий, подчиняющий себе все чувства реципиента.

Впечатление, которое производит говорящий человек, вызывает одновременно оценочную реакцию по шкале «выше – ниже». Оценка может соответствовать как самому высокому уровню отношения к человеку, когда возникает одобрение типа «он покори нас своей речью», так и сниженному, когда говорят об «отталкивающем впечатлении» и даже «он упал в наших глазах окончательно». Иными словами, впечатление способно спровоцировать такую оценку, которая возводит авторитет субъекта речи на высокую ступень или же обрушивает его. Так что можно утверждать: возникновение уважительно-го или неуважительного отношения к человеку во многом обеспечивает речевой образ.

Что «к лицу», что «не к лицу»

Для слушающего характерно состояние, которое называют актом экспектации (от англ. *expectation* – ожидание). Когда предстоит заранее запланированный или внезапно возникает какой-либо разговор, собеседник как бы настраивается на восприятие. Состояние ожидания или в отдельных обстоятельствах – надежды услышать что-то важное есть психологическая настройка на восприятие. Мы пришли на лекцию известного ученого и, что вполне естественно, испытываем состояние предвкушения чего-то нового и интересного. Мы включаем телевизионные «Вести» и пребываем в ожидании, нередко нетерпеливом, новостей, предполагая, о чем пойдет речь. Или весьма распространенная ситуация: те, кому пообещали рассказать анекдот, готовятся рассмеяться заранее. Настроенность на предстоящую информацию, экспектация, подтверждается финальными реакциями неожиданных впечатлений, превзойденного или обманутого ожидания, разочарования и т. п. Сюда можно отнести и такой эффект от восприятия, когда сказанное или манера говорить получают оценку «это вам не к лицу». Акту коммуникации предшествует установка на восприятие речи данного субъекта. Выражения «к лицу» или «не к лицу» затрагивают проблему ожидания такого поведения говорящего, которое соответствует его роли, статусу, положению. Принцип «не потерять лица» в речевой коммуникации указывает на рамки, которые держат образ в определенных границах (культуры, морали, полномочий и т. д.). Общение сотрудника УИС и осужденного имеет аналогичную тенденцию, со стороны одних и других предполагается, как должно пойти общение. Служебное положение сотрудника, его статус накладывают свой отпечаток на ожидания окружающих, как он проявит себя в общении.

В общении с осужденными сотрудник УИС выступает в роли представителя власти, работника учреждения, несущего службу по осуществлению закона. Его статус, позиция являют волю государства, силу Закона. Его задача утвердиться как образец этой силы в глазах тех, с кем ему приходится работать. В сознании воспринимающих

должно действовать именно такое представление, которое внушает безусловное уважение к официальному положению сотрудника и поддерживает его авторитет. Отсюда речевой образ должен являть собой инструмент утверждения сотрудника в глазах осужденных как человека, обладающего внутренней силой, требовательно к себе и окружающим, неподкупного, профессионально подкованного и, конечно, грамотного, что, безусловно, внушает уважение. Его слово должно быть весомым. Уместно поставить вопрос о профессиональном долге, который требует и обязывает сотрудника УИС являть и поддерживать образ, внушающий в его лице уважение к закону и власти.

Общенная лексика

Образ действует, впечатляет и оставляет след в памяти реципиента. Однако это относится и к неблагоприятным впечатлениям. В процессе речевого общения есть риск разочаровать и снизить впечатление о себе. В первую очередь плохое впечатление производит речь, неудовлетворительная с точки зрения грамотности. Речевые ошибки, как говорится, режут слух. Наряду с неграмотностью образ страдает от косноязычия, то есть убогости словарного запаса, сбивчивости и неумения выразить свои мысли. Несомненно, такие недостатки ослабляют силу воздействия образа. Кроме того, убогая и «корявая» речь способна внушить недоверие к профессионализму работника. В результате возможны сомнения, на своем ли месте находится тот, кто требует от других жить в соответствии с нормами и во всем соблюдать порядок. Степень доверия к профессиональному статусу сотрудника, его подготовленности нести такую службу снижается, что отражается и на его авторитете.

В числе факторов, способных снизить образ в глазах людей, а иногда буквально обрушить впечатление, на заметном месте стоит общенная лексика (от лат. *obscenus* – непристойный, распутный, безнравственный), или нецензурная брань. Выразиться нецензурно – это упасть в глазах большинства и попасть в неприятную зависимость от впечатления, произведенного таким непотребным способом, то есть остаться в памяти с неприличным маркером матерщинника. Загладить таковое иногда бывает невозможно: в памяти услышавшего брань сохраняется образ с характерными чертами, пусть и не стопроцентного сквернословя, но человека, способного перейти границы допустимого. Этим часто объясняется неуважительный тон, развязное поведение в присутствии распустившего язык субъекта, которыми как бы отзеркаливается его принцип вседозволенности. В общем, в ответ он получает знаки неуважения, что говорит об этом самом заниженном впечатлении.

В свете проблемы речевого образа и его действенности тема использования вульгарных выражений в служебной практике сотрудника УИС весьма актуальна и требует особого, глубокого осмысления. Общеизвестно, что язык, его словарный запас содержит неприемлемые с позиций «что есть норма» слова и выражения. Есть литературный язык, который как бы определяет норму, есть и то, что существует ей вопреки [3, 6]. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка подтверждает: «Наряду с лексической системой литературного русского языка, существуют также иные лексико-семантические системы, социально-маркированные и стилистически сниженные по отношению к литературной норме» [6, с. 5]. Но проблема с ненормативной лексикой упирается не столько в языковедение, в нормы словоупотребления, сколько в духовно-нравственный мир человека. Отступление от норм в этой сфере носит более серьезный по своим последствиям характер, чем речевые ошибки.

Моральные и правовые запреты известны всем. Нецензурная брань в общественном месте (с недавних пор появился и официальный перечень запретных слов, составленный Роскомнадзором) карается по закону. Мат в публичном пространстве квалифицируется как мелкое хулиганство – ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Если нецензурные слова, ругань направлены против конкретного человека с целью унижить его, то такое поведение расценивается как оскорбление, попирающее честь и достоинство другого лица (ст. 5.61 КоАП РФ).

Казалось бы, все тут ясно: запрещено – и точка. Мат есть нарушение общественной морали, а мат в общественных местах карается законом. Но все не так однозначно. Ни штрафы, предусмотренные названными статьями, ни административный арест на 15 суток не устраивают так, чтобы остановить эту стихию. Как морально-нравственное порицание, табуирование этого явления в нашей культуре также не достигает желаемых целей. Становится привычным слышать на улице крепкие словечки от молодежи, подростков и даже детей. Нередко такие способы выражения, что называется, на грани, позволяют себе медийные фигуры в средствах массовой информации. В Интернет запущены ролики одного юмориста, построившего все свое творчество на нецензурной лексике с целью повеселить публику. Дело дошло до того, что ненормативная лексика обсуждается как средство управления [9, с. 8]. Для определенной категории людей непристойные слова являются обычными и привычными, без намерения кого-нибудь обидеть или повеселить. Как-то само собой так получается, машинально, все равно, как воскликнуть «Ой!» или «Ай!» от неожиданности. С этой точки зрения они не видят ни в грязных словах, ни в своих мотивах ничего зловредного [7, с. 124–133].

Тема бесконечно обсуждается

Тема бесконечно обсуждается в основном в порицательном смысле. Интернет переполнен публикациями воспитывающего и профилактического характера. Специалисты в области языка, психологи, культурологи, общественники, признавая наличие большого словаря ненормативной лексики, бранных, сленговых, жаргонных слов и выражений, подходят к ней каждый со своих позиций. Одни ведут поиски исторической, культурной, социолингвистической подоплеки, кто-то поднимает вопрос о влиянии бранной речи на здоровье, а кто-то ищет ей оправдание. Так, указывая на экспрессивность нецензурной лексики, в ней видят способ разрядки психологического напряжения, снятия стресса. Мат определяется и как действенный способ реализации агрессивного состояния субъекта и способ вытеснить его, нападая с оскорблениями на тех, кто под руку подвернется. Есть аналитики, которые находят в употреблении мата языковую игру, вносящую в контекст общения юмор в виде такой вот шутки. По поводу мотивов некоторых сквернословов отмечают потребность самоутвердиться, осознанно демонстрируя пренебрежительное отношение к правилам и нормам. Находят и такой мотив, как желание заслужить своеобразный авторитет в определенных кругах, мол «выражается нецензурно – наш человек». В общем, под заголовком «Функции мата» выделяют около трех десятков таковых [5]. Однако окончательного или единого научного объяснения этому явлению нет и, по-видимому, быть не может. Но есть большой исторический опыт по преодолению нецензурной брани, позволяющий глубже вдуматься в суть проблемы.

Аргументы истории

Сквозной линией через отечественную историю проходит борьба со сквернословием, которое на Руси издревле воспринималось как явление зла. Само слово «брань»

не случайно, оно ассоциируется с выступлением против врага на поле брани, как повергающее личность в униженное положение. Устанавливались законодательные и религиозные запреты, вводилась цензура, рассылались угрозы и устрашения разными видами наказаний. На всех этапах этой истории издавались указы, формулировались законы, принимались соответствующие времени меры, наказывались провинившиеся.

В первую очередь обращают на себя внимание предупреждения о недопустимости сквернословия с религиозной точки зрения. Дошедшие до наших времен тексты духовных мыслителей, например сочинение старца Иосифо-Волоцкого монастыря Фотия (середина XVI в.) или рукопись неизвестного автора XVII в. «Слово о матерной брани», свидетельствуют о безусловном его осуждении как греховного поведения [1, с. 66–69].

Церковь, которая во все времена противостояла непотребному языку, изначально связывала его с язычеством и бесовством, то есть с отступлением от духовных корней христианства. Оскверняющий пространство «словами погаными» заявляет о себе как язычник. Его нельзя допускать в церковь, позволять ему подходить к кресту и Евангелию, принимать причастие, потому что он осквернил свою душу. Духовные отцы видят в «матерном лае» (от слова «лаять») не просто грех осквернения себя, но грех покушения на все святое, чистое, божественное. «Ангел такого человека плачет, а диавол радуется», – утверждает Схиигумен Савва (Остапенко) в «Душеспасительных поучениях»¹.

Борясь со сквернословием, церковь утверждает почтительные отношения к самому языку. Люди призваны осознать, что Слово в жизни человека принадлежит величайшая роль как средству приобщения к высшим ценностям бытия. Слово – это Божественный дар, благо, данное людям свыше, сокровище, которое нужно беречь и пользоваться им только во благо². Язык не должен служить злу ни при каких условиях.

В сочинениях Святых Отцов и, конечно, в проповедях осуждались и осуждаются злые речи вообще – пустословие, возведение напраслины, ложь, в общем, то дурное, что человек позволяет себе, используя язык. Все подобное порочит самого человека и приводит в духовный тупик. В силу этого призыв «не распускать язык», то есть владеть собой, означает отторгать от себя словесную скверну на корню. Духовно-нравственное здоровье христианина, его благообразие связывается с добрыми, светлыми, чистыми, так называемыми путеводными речами. Для верующего человека это в первую очередь молитва.

Вместе с тем активно боролись с непотребными словами и в светской жизни, причем на самом высоком уровне. Указы и манифесты, исходившие от царей и императоров, свидетельствуют о признании масштабной значимости тех ценностей, которые защищались этими документами. Об этом также свидетельствует и та система наказаний, порой самых жестоких, которые предписывались с целью искоренения угрозы оберегаемым властью ценностям. Даже небольшой обзор царских мер убеждает в том, насколько важной выглядела эта проблема в глазах правителей.

Указ Ивана Грозного, изданный в 1552 г., доводился до сведения широких масс сразу же по улицам и базарным площадям («кликать по торгам»). Он предупреждал: за непотребные, скверные речи «быти от царя и великого князя в великой опале, по градским законом (светским), а от святителей им же быти в духовном запрещении, по священным правилам». Указ царя Алексея Михайловича 1648 г. объясняет, что тот, кто «матерны и

¹ См.: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Savva_Ostapenko/polnoe-sobranie-propovedej-i-pouchenij-shiigumena-savvy/5 (дата обращения: 17.10.2025).

² См.: URL: <https://m.ok.ru/group/52566397419615/topic/6775645556447?ysclid=mgrth9u1zk892027482> (дата обращения: 17.10.2025).

всякою непотребной лаею» бранится, поступает «супротивно христианскому закону». Употребляющему скверные слова «быти от Нас в великой опале и в жестоком наказании». Петром I непотребные слова порицаются в Воинском артикуле 1715 г. С особенно устрашающими предупреждениями пресекается богохульство: «Кто имя божие... и службу божию поносит, и ругается слову божию и святым таинствам... хотя сие в пианстве или трезвом уме учинится: тогда ему язык раскаленным железом прожжен, и потом отсечена голова да будет».

Несколько убедительных документов дошло от времен Екатерины II, например, Манифест о молчании (или Указ о неболтании лишнего, 1763 г.) и Устав благочиния (1782 г.). В заботе о благочинии, покое и добронравии императрица запрещает употреблять бранные и «поносные» слова с угрозой той же царской опалы и не менее тяжелых наказаний. Особым пунктом запрещалось использовать их в официальных документах – указах и повелениях. Она обратила внимание и на неблагозвучные названия отдельных населенных пунктов и приказала переименовать их, заботясь о речевой благопристойности в обществе.

Наказания за прилюдную брань в близком к нашему времени XIX в. выглядят более цивилизованно: «взыскать пеню» и «сажать... под стражу, доднеже заплатит» (Уложение о наказаниях 1845 г.). Тем не менее известны случаи наказания плетью за «произношение ругательств» в отношении другого человека. Знаменательно, что в эпоху Александра I появилась цензура как государственный орган (первый устав о цензуре был утвержден в июле 1804 г.). С этих пор все издания проходили строгий контроль, не допускающий нецензурную лексику.

Направленность к идеалу

Исторические документы дают повод задуматься, к чему направлены эти увещания, порицания, запреты и угрозы болезненными наказаниями, о которых так настойчиво оповещают общество. Борьба «против» предполагает борьбу «за». Ведь не просто «не говори ничего такого» и «не смей произносить». В аргументах, которые приводятся в доказательство вредности непотребных слов, содержатся и те цели, ради достижения которых ведется борьба. Определениями нецензурной брани как «супротивной христианскому закону», осквернения речи и сознания «оскорбительной для добрых нравов», «противной благопристойности» утверждаются идеалы самой христианской жизни, благопристойности и добрых нравов, к которым должен быть устремлен человек. Путеводные речи указывают, как не сбиться с истинного пути. Таким образом, издавая законы о недопустимости брани, правители указывают на тот идеал отношений к миру, людям, жизни и идеал самого человека, которых они добиваются и которые должны утвердиться среди их подданных.

Утверждение идеала человеческого благообразия проходит через всю историю противостояния матерщине. Людям напоминают: человек наделен духовностью, что поднимает его над всякой скверной. Неоднократно говорится о том ущербе, тех потерях, которые несет бранящийся гнилыми словесами. «Неудобосказуемые слова бьют всех: и тех, чьи уши слышат, и тех, кто творит сие». В каком смысле бьют? Конечно, в нравственном, а значит, духовном. То же самое, когда в подобных реляциях указывается, что сам произносящий неблагопристойные речи «принимает в себя что-то вредное». Оберегать свою духовную жизнь – такой призыв кроется в данных формулировках.

Как видим, церковные запреты и «градские законы» по большому счету едины. Дорожить «Сокровищами духовной жизни» (так называется книга, содержащая выписки из творений Святых Отцов – от Киприана Карфагенского до Игнатия Брянчанинова)

означает в том числе не допускать никакой словесной скверны. Нужно отметить, граница между духовным и бранным в те времена в сознании людей воспринималась как экзистенциальный феномен и была обозначена гораздо отчетливее, чем в современном мире. Люди знали: есть духовное – то высшее, к чему должен стремиться человек, и есть душа, то высшее, что он несет в себе. Чтобы не навредить связи между двумя мирами – духовным и материальным – нужно особенно чутко относиться к тому, что их связывает – к языку и речи. Автор словарей русского языка Владимир Иванович Даль, который всей своей деятельностью «отстаивал честь и достоинство нашей древней, великой речи», писал: «С языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человека – это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом» [4]. В свете представления о действительности как о взаимодействии двух миров человек острее чувствует неприятие словесной грязи и всякого непотребства, опасаясь, что они удаляют его от высших смыслов спасения души.

О недопустимости нецензурной брани в уголовно-исполнительной системе

О недопустимости неприличных выражений в работе людей, которых объединила пенитенциарная сфера деятельности, никто не спорит. Она, то есть работа, жестко регламентирована установленными нормами. Запрет на нецензурную лексику сформулирован в целом ряде документов. Одни из последних: приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 (в ред. от 27 января 2025 г.) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»; Дисциплинарный устав уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (утв. приказом Минюста России от 12 сентября 2019 г. № 202). Сотрудник ФСИН России, оскорбивший кого-либо нецензурной бранью в присутствии свидетелей, может быть привлечен к уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством.

Нецензурные слова с учетом их этимологии звучат оскорбительно для слуха окружающих и задают вульгарный тон, на фоне которого осуществляется взаимодействие, создают, по словам академика Д. С. Лихачева, «среду бесстыдства». Несомненно, это вступает в противоречие с принципами порядка и благопристойности, на страже которых стоит правоохранительная система. В первую очередь мат – вызов общественному порядку. С этой точки зрения человек, который служит закону и порядку, просто обязан быть последовательным и выдерживать принцип его поддержания во всем, в том числе в речевом взаимодействии.

Требование, запрещающее сквернословить, обращено и к контингенту осужденных. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений не допускают «при общении с другими лицами использовать нецензурную брань, угрожающие и оскорбительные выражения, а также жаргонные слова и выражения, применяемые в криминальной среде».

Названные документы свидетельствуют: учреждение, исполняющее уголовные наказания, – это такое место, где нецензурная брань должна отсутствовать напрочь. Но, к великому сожалению, она присутствует, как присутствует мат и далеко за пределами «зоны». Приходится с огорчением признать, что предпринимаемая система мер против сквернословия не останавливает его и там, где, казалось бы, дисциплина и порядок прежде всего. Естественно, этот порок не относится ко всем сотрудникам. По свидетельству тех, кто работает в учреждениях исполнения наказаний, подавляющее большинство не допускает нецензурной брани. Как правило, представители разных служб,

особенно те, кто «при погонах», ведут себя в рамках приличий, сохраняя лицо в любых коммуникативных ситуациях. Значит ли это, что сдерживающим фактором для таковых являются опасения нарушить названные приказы? Ответ таков: прежде всего большинством руководит заложенная в них культура, интеллигентность и чувство собственного достоинства, а потом приказы, которые опираются на сознание и сознательность. Такова сущность культуры: она привита человеку на более глубоком, бессознательном, уровне как уважение к языку и правилам приличия. Вместе с этим подлинная культура человека включает в себя и внутреннюю цензуру.

Культура как личный контроль

Во все времена существует такая категория людей, которая никогда и ни при каких условиях бранных слов не произносит. Официальные запреты нецензурной брани действуют в масштабах государственных институтов, но есть тот личный, индивидуальный внутренний мир людей, где действуют собственные регуляторы. Такие регуляторы, когда человека сдерживает не опасение, что взыщут за нарушение, а глубинная потребность достойного самоощущения – говорить языком, сформированы с его культурой. Это люди, характеризующиеся укорененным в них чувством неприемлемости для себя грязных выражений и «гнилых» слов. «Наша речь, – писал Д. С. Лихачев в «Письмах о добром и прекрасном» (письмо девятнадцатое «Как говорить?»), – важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, наших души, ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она “затягивает”» [8, с. 250]. Это глубокая мысль еще раз свидетельствует о том, что и сама речь таких людей, язык, заложенные в их культуру, работают как тот самый регулятор, как сдерживающий фактор, сама отторгает неприемлемое для литературной нормы.

Обратимся к еще одной особенности речевого образа, существенной для пенитенциарного воздействия. Язык, словоупотребление в большой мере свидетельствует об отношении человека к самому себе. Продуктом речевого поведения является тот образ нашего Я, который мы создаем в глазах других людей. В этот образ закладывается и то отношение к себе, какое нам хотелось бы довести до наших партнеров по общению. Вопрос, «к лицу мне» или «не к лицу» та или иная лексика, – это вопрос, как преподнести себя, используя речевые средства. Истинная культура выражается в заботе о формировании достойного представления о себе, на что должно работать в первую очередь внутреннее ощущение собственного достоинства. «Опустить себя» в глазах других непристойным поведением, скверными выражениями и тому подобное означает пренебречь этим чувством, заглушить голос собственного достоинства, подавить потребность нормальной самооценки.

Общаясь по работе, сотрудник исправительного учреждения утверждает не только личное достоинство, но и достойное отношение к делу, которому служит. Отсюда, пренебрегая положительным впечатлением о себе, он пренебрегает авторитетом своей профессии, своего статуса, положения государственного служащего. По большому счету, это тот же самый вопрос о профессиональной чести и достоинстве, неотъемлемом атрибуте любой профессии. В их поддержании сотрудником УИС речевому поведению принадлежит особо важное место.

Достойное ощущение профессии

К каким выводам ведут все эти рассуждения? Во-первых, вопрос о недопущении сквернословия сотрудниками, несущими свою службу в исправительном учреждении, упирается в проблему соответствующего ощущения себя в профессии. Что должно

стать внутренним стимулом к благопристойному речевому поведению в учреждении исполнения уголовных наказаний? Глубокое к ней уважение, не позволяющее дискредитировать ее в глазах окружающих недостойными поступками. Профессии пенитенциарной направленности не числятся в списке самых популярных и престижных. Однако никто не станет отрицать, что их роль в обществе чрезвычайно важна, что они, охраняя закон и права человека, решают не простые, исключительно значимые задачи. Общепризнано, что дело наказания-исправления, по большому счету, служит целям искоренения зла, а значит, оно направлено ко всеобщему благу. Оно одухотворено направленностью служения добру и справедливости. При этом все знают, что такая работа требует большого напряжения сил и хладнокровия. Известны ее героические страницы, увековеченные в памятниках. Это достаточные аргументы к тому, чтобы образ профессии в пенитенциарной сфере формировался в глазах специалиста на самом высоком уровне.

Во-вторых, поддерживая свой собственный образ на достаточной высоте, сотрудник являет в большой степени личную культуру, которая выражена в первую очередь в уважении к родному языку. В его чувстве своего служебного положения присутствует та самая культурная установка использовать язык, соответствующий литературным нормам. Кроме всего прочего, культура речи предполагает такое обладание ресурсами языка, которое позволяет ему выразить и мысли, и отношение, и чувства, не прибегая к заниженной стилистике речи. «Нашему народу выпало великое счастье – пользоваться для общения редким по красоте, глубоким по содержанию и выразительности языком», – утверждает в своих лекциях и проповедях, выложенных в Итернете под названием «Дар слова – дар Божий», протоиерей Андрей Ткачев¹. Можно сделать вывод – пусть он не покажется особенно пафосным – сотрудник УИС в специфических условиях изоляции провинившихся от общества, неся свой речевой образ, осуществляет и культурную миссию. Есть такие люди, в присутствии которых никто не смеет произнести ни одного бранного слова. К ним относятся именно те, кто заявил о себе своим речевым поведением как поборник подлинной культуры.

Таким образом, сотрудник демонстрирует и свою причастность к культуре, причем к такой культуре, которая гармонично соотносится с правопорядком и уважением к закону. Чувство ответственности за свой культурный облик, за утверждение культуры, где бы то ни было, должно руководить его речевым поведением и вписаться в профессиональный образ.

В-третьих, личная культура и пиетет профессии выступают одновременно как волевой фактор, управляющий и речевым поведением, – они не позволяют распускаться. Утверждая, что в образе сотрудника должна присутствовать внутренняя сила, воля и умение владеть собой, можно с уверенностью сказать, что недопущение брани есть убедительное свидетельство этих качеств. Обратимся еще раз к высказываниям Д. С. Лихачева, бесполезных для представления о речевом образе сотрудника УИС. Выдающийся филолог и культуролог Д. С. Лихачев, будучи репрессированным, пережил тяжелый опыт общения с осужденными и персоналом в Соловецком лагере. В рассуждениях о сквернословиях и тех, кто не позволяет себе распушенности в языке, он проставил акценты на внутренней силе и свободе человека. «По-настоящему сильный и здоровый, уравновешенный человек не будет без нужды говорить громко, не будет ругаться и

¹ См.: URL: <https://m.ok.ru/group/52566397419615/topic/67756455556447?ysclid=mgrth9u1zk892027482> (дата обращения: 17.10.2025).

употреблять жаргонных слов. Ведь он уверен, что его слово и так весомо». И еще одно наблюдение: «тот, кто чувствует себя свободным, не будет отвечать матом» [8, с. 255].

Осознанное противостояние

Все названные установки, а именно установки на уважение к пенитенциарной деятельности и на личную культуру, которая выражена в первую очередь в речи, – должны закладываться в профессию с самых первых шагов ее усвоения. Конечно, это предполагает и осознание ее проблем и противоречий. Молодежь, готовящаяся к работе в учреждениях исполнения наказаний, призвана получить представление о тех подводных камнях, которые встают на пути и которые нередко возводятся самими сотрудниками. Нужно сразу дать себе отчет: «ненорматив» на службе категорически противоречит цели исправительной системы – цели благотворного воспитывающего влияния на людей и создания атмосферы строгих правил. Вместе с тем следует, на наш взгляд, прививать будущему пенитенциаристу чувство ответственности и за то впечатление, за тот образ, который сотрудник УИС поддерживает в общественном мнении, то есть за репутацию, за авторитет всей системы.

Небесполезно также видеть картину и в общих масштабах. Борьба с нецензурной бранью не уходит с арены истории. Проблема древняя, но она живет в меняющемся мире. Почему она нарастает сейчас? Сравнение с прошлым дает основание подумать о современных причинах беспрецедентного распространения мата в публичной сфере. Представители старшего поколения свидетельствуют о том, что по сравнению с недавними советскими временами сегодня нецензурная брань вышла за пределы разного рода моральных ограничений, в том числе, к великому сожалению, возрастных, как будто возникла мода на распущенность языка.

Понять и увидеть причины этой проблемы – значит в определенной степени решать ее. В массовости употребления жаргонных, сленговых и нецензурных слов слышится отголосок демократизации и либерализации всего и вся, узаконивших бесстыдство гей-парадов и т. п. Сказывается и ментальность постмодернизма, воспринимающего так называемую низовую культуру как норму, а также обозначившаяся идеология новой нормальности, допускающая осознанное употребление ненормативной лексики. В молодежной среде укоренился образ «крутого» молодого человека, независимого от всяких там табу, для которого производить по-старинке впечатление человека благовоспитанного кажется смешным.

Общество реагирует, как и во все прежние времена. Появляются новые законы, например, Закон о запрете нецензурной лексики в литературе, кино, на театральной и концертной сценах, а также в СМИ (был подписан Президентом России в 2014 г.). При этом новейшие времена проставляют новые акценты в этой проблеме. В феврале 2021 г. вступили в силу поправки к закону «Об информации, информационных технологиях и защите информации», обязывающие соцсети «удалять контент с нецензурной бранью». Через четыре года, 11 августа 2025 г., в Госдуму внесен на обсуждение законопроект о блокировке интернет-контента с матом. Два года назад заработал социальный проект «Россия без сквернословия», в рамках которого в августе 2025 г. прошел фестиваль в парке музея-заповедника «Коломенское», разработан плакат для размещения его в школах, проводятся беседы. На региональном уровне, в Рязани, например, в этом проекте участвуют волонтерские отряды «Эхо добра» и «Хранители словесности» [2]. Бросаются в глаза и несколько необычные меры. Так, решили 3 февраля отмечать Всемирный день борьбы с ненормативной лексикой.

Духовные ресурсы, образ, идеал

Общество никогда не оторвется от того идеала человека, который определяется его духовным превосходством. Все, что оставила нам наша история в плане борьбы со сквернословием и что предъявляют законы и постановления последнего времени, находится на одной линии направленности от речевого идеала к идеалу человека вообще.

Речевой образ сотрудника УИС, который формируется в строгих рамках правовых и моральных норм, должен быть соотнесен с этим идеалом уже в процессе получения специального образования. Нужно увидеть свой будущий профессиональный образ включенным в пенитенциарную коммуникацию, как фактор позитивного воздействия на окружающих и в соответствии с ним – как фактор высокой самооценки и достойного самочувствия в профессиональной роли.

Жизнь доказывает, что осуществление (или неосуществление) любого идеала совершается на уровне конкретного человека. Он всегда стоит перед выбором добра или зла, прекрасного или безобразного, возвышенного или низменного и т. д. Духовно-нравственные поиски имеют вектор, направленный к позитивным решениям, идеалу, доброму и прекрасному. Вместе с тем в сложной и многообразной духовной жизни человека идет процесс формирования личного образа, о чем свидетельствуют многочисленные термины типа «самосознание», «самооценка», «образ Я», «самосовершенствование», «личный рост» и т. п. Речевой образ – это тоже продукт духовной активности. Язык в свете такой задачи должен осознаваться всеми как главное средство, которое формирует и выстраивает духовную жизнь и отдельного человека, и человечества в целом на протяжении общей истории и каждой личной биографии.

Категории «идеал», «образ» в этой проблеме подталкивают к выводам: борьба с нецензурной бранью в широких кругах должна переключить внимание на личные мотивы. Когда не приказ сверху, единый для всех, а личная глубокая тяга к совершенству, профессионализму, потребность нести свой образ с достоинством, а также любовь и уважение к родному языку определяют твое речевое поведение.

Установки на глубоко осмысленное отношение курсанта Академии ФСИН России к выбранной профессии и ее проблемам включает в себя введенный на факультете психологии и пробации учебный курс «Основы формирования образа профессии в пенитенциарной сфере».

Список источников

1. Бабалык М. Г. К изучению рукописной традиции «Слова о матерной брани» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 7(144). С. 66–69.
2. Гордиенко Н. Слово – сила, говори красиво // Благовест. 2025. № 9(381).
3. Грачев М. А. Толковый словарь русского жаргона. М. : ЮНВЕС, 2006. 704 с.
4. Даль В. И. Энциклопедия русского слова. М. : Эксмо, 2002. 576 с.
5. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М. : Ладомир, 2016. 350 с.
6. Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М. : Астрель ; АСТ, 2003. 1021 с.
7. Киенко Т. С. Ненормативная лексика как социальный феномен (анализ опроса жителей провинциального российского города) // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 124–133.

8. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. 2-е изд. М. : Альпина Пабlishер, 2023. 288 с.

9. Чистов С. В., Юров С. С. Ненормативная лексика как средство управления // Бизнес и дизайн ревю. 2022. № 1(25). С. 8.

References

1. Babalyk, M. G. 2014, 'On the study of the handwritten tradition "Words about swearing"', *Scientific notes of Petrozavodsk State University. Series Social sciences and Humanities*, iss. 7(144), pp. 66–69.

2. Gordienko, N. 2025, 'The word is power, speak beautifully', *Blagovest*, iss. 9(381).

3. Grachev, M. A. 2006, *Explanatory dictionary of Russian jargon*, UNVES, Moscow.

4. Dahl, V. I. 2002, *Encyclopedia of the Russian word*, Eksmo, Moscow.

5. Zelvis, V. I. 2016, *Battlefield. Profanity as a social problem*, Lodomir, Moscow.

6. Kveselevich, D. I. 2003, *Explanatory dictionary of profanity of the Russian language*, Astrel, AST, Moscow.

7. Kienko, T. S. 2016, 'Profanity as a social phenomenon (analysis of a survey of residents of a provincial Russian city)', *Sociological research*, iss. 5, pp. 124–133.

8. Likhachev, D. S. 2023, *Letters about the good and the beautiful*, 2nd edn, Alpina Publisher, Moscow.

9. Chistov, S. V. & Yurov, S. S. 2022, 'Profanity as a management tool', *Business and Design Review*, iss. 1(25), p. 8.

Информация об авторе

Т. Н. Демко – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории.

Information about the author

T. N. Demko – PhD, Associate Professor, associate professor of the philosophy and history department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 16.11.2025; принята к публикации 06.02.2026.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 16.11.2025; accepted for publication 06.02.2026.